

Глава 1098: Вы не хотите попробовать?

«Учитель, когда вы отправили меня в Павильон Линъянь, чтобы я прочел записную книжку Лорда Вана, вы сказали, что внутри можно найти тайну вызова небесам и изменения судьбы, но я не увидел этого».

Слова Чэнь Чаншэна сделали настроение в Мавзолее Книг довольно странным.

Это была тайна, известная немногим людям.

Даже после того, как отношения между учителем и учеником начали ухудшаться, эта тайна все еще не вышла наружу.

Эти слова должны были быть сказаны три года назад, но Чэнь Чаншэну показалось, что начиная со всего времени в старом храме Деревни Синин, включая те разговоры, все было частью плана, так какой был смысл в страдальческих вопросах о прошлом? Более того, он получил невероятно важный Монолит Небесного Тома в Павильоне Линъянь и видел много тайн в записной книжке Ван Чжицэ, что позволило ему познать многие вещи, что сильно помогло ему в культивации, давая множество предостережений насчет того, как прожить его жизнь. Этого уже было достаточно.

Он добавил: «Единственным, что я увидел в той записной книжке, была фраза 'есть людей'».

На лице Ван Чжицэ появились воспоминания, немного эмоциональные, или даже грустные.

Опыт, описанный в той записной книжке, был самым подлинным историческим пересказом основательной эры Династии Великой Чжоу.

Самая подлинная история чаще всего была самой темной.

Казалось бы спокойные звуки зачитывая из той скромной аллеи скрывали бесчисленные крики от цветочных барж на Реке Ло.

На вид монотонная жизнь в Имперском Дворе скрывала бесчисленные сияющие клинки и теневые мечи.

Ван Чжицэ не упоминал переворот в Саду Сотни Трав, но пара слов тут и там раскрыла жестокость той ночи.

Так называемый золотой век в итоге мог последовать только за желаниями одного человека. Ступеньки, ведущие к высочайшей точке, были покрыты трупами, промокшими в крови. Несколько сотен последовавших лет были полны конфликтов отца против сына, брата против брата, мужа против жены, лорда против подданного. Так что... учитель против ученика, естественно, не было чем-то абсурдным.

Чэнь Чаншэн сделал паузу, после чего сказал: «Я просто никогда не мог понять, почему вы ни разу не действовали лично».

Три года назад, в ту снежную ночь в Ортодоксальной Академии, он и Шан Синчжоу обсуждали этот вопрос.

В то время он дал ответ. Он упоминал это еще раз, потому что хотел выпустить свои чувства наружу.

Дао и сердце Шан Синчжоу можно было описать идеальным. Единственной слабостью был Чэнь Чаншэн.

Потому что, что бы он не делал, даже истребляя всех в столице, он все еще мог убедить себя, что для такого действия были причины.

Но насчет Чэнь Чаншэна он находил невозможным убедить себя.

Чем больше он пытался, тем более неприятным он находил Чэнь Чаншэна.

Это началось в Деревне Синин, началось в старом храме, началось много лет назад.

С течением времени эта эмоция все больше и больше давила на его сердце, и он находил, что ему все больше не нравился Чэнь Чаншэн, и он находил его все более неприятным.

Он не хотел видеть Чэнь Чаншэна.

В конце концов, он даже хотел, чтобы Чэнь Чаншэн никогда не появлялся в этом мире.

Он не хотел действовать лично, потому что из-за этого ему будет еще сложнее успокоить свое сердце Дао.

Он надеялся, что Чэнь Чаншэн умрет от руки кого-то другого.

Три года назад, в Ортодоксальной Академии, он сказал, что пока Чэнь Чаншэн не возвращается в столицу, он не станет ничего предпринимать против него.

Но позднее он нашел невозможным сопротивляться соблазну.

Так что Чжоу Тун умер, Чусу провалился, а тот Му из Великого Западного Континента был убит.

Чэнь Чаншэн не умер в снежных горах, и столкнулся с той жуткой ситуацией на Пике Святой Девы.

«Мы культивируем сердце. Из множества вещей в мире только сердце не может обмануть себя».

Чэнь Чаншэн спросил в смятении: «Если бы я умер от рук другого человека, действительно ли вы смогли бы убедить себя, что это никак с вами не связано?»

Шан Синчжоу смотрел на него, ничего не говоря.

Чэнь Чаншэн закончил: «Пожалуйста, действуйте лично. В последний миг, возможно, вы сможете ясно увидеть свое сердце. Действительно ли Учитель не хочет попробовать?»

.....

.....

Я хочу попробовать.

В той буре в Городе Сюньян, представ перед Чжу Ло, Ван По произнес эти слова. В Городе Белого Императора, столкнувшись с непобедимым противником, Сюаньюань По тоже сказал

эти слова. Сюй Южун тоже говорила их, как и Чэнь Чаншэн.

По сравнению с Шан Синчжоу они все еще были очень молодыми. У них было достаточно времени попробовать, у них было пространство для ошибок. Возможно, по этой причине, когда они достигли точки, в которой должны были выбирать, они демонстрировали больше храбрости и прямолинейности.

Тогда, почему бы вам не попробовать?

Шан Синчжоу спокойно смотрел на Чэнь Чаншэна.

Действия Чэнь Чаншэна и Сюй Южун сегодня и правда были примечательными, заслужив его восхищение. Также был тот ребенок в Имперском Дворце. Его тишина сегодня была несравненно величественной.

Но эти юниоры все еще недооценили его плотную вулканическую мощь, скрытую под его терпимостью и тишиной.

Даже если бы Ван Чжицэ был убежден не касаться этой ситуации, он был уверен, что мог захватить контроль над столицей.

Для него не было причин принимать предложение Чэнь Чаншэна, но затем он услышал тот вопрос.

Это была капля росы, свисающая с ветви над каменной стеной: прекрасная, чистая, трогательная.

Он вспомнил время многих, многих лет назад, когда он все еще был молодым мальчиком-даосистом.

В Монастыре Вечной Весны Лояна было два мальчика-даосиста: Инь и Шан.

В то время они еще не пошли разными путями в поисках Дао в Академию Небесного Дао и в Ортодоксальную Академию.

Их учитель, естественно, не был обычным индивидом, но он все еще молчаливо умер.

То время и правда было хаотической эрой. Лоян был в осаде в течение очень долгого времени. Демоны были повсюду в горах и равнинах за городом, и весь мир провонял гниющей рыбой.

Когда они покинули Лоян, их сопровождал юноша с фамилией Танг.

В том путешествии они увидели много жалких зрелищ, что глубоко повлияло на них различными способами.

Наконец, в определенном месте, он остановился и сказал тем горам, омытым сумраком: «Я все еще хочу попробовать».

Он сменил имя и отправился на службу Императору Тайцзуну, узнав множество экстраординарных индивидов.

Эти люди были передом и центром внимания, но он продолжал стоять в темных углах, тихо и непримечательно.

Он оставался таким, насколько бы знаменитыми не были другие.

Демоны все еще не были истреблены, что означало, что он не мог расслабляться ни на миг.

В конце концов, он привык к такой жизни, ему даже понравилась эта жизнь.

Императору был необходим такой человек, который мог помогать ему из теней, чтобы он стал императором.

Кроме немногих людей никто не знал, что он был Шан Синчжоу, подлинным преемником Ортодоксии. Они только знали его, как доктора, Даосиста Цзи.

Когда он свергнул правление Божественной Императрицы Тяньхай, он решил поставить Чжоу Туна на высокую должность, не задумываясь о подземных течениях общества. Это было не только из-за его обещания. Он просто не находил ничего неправильного в деяниях Чжоу Туна. Это было то, что он и сам делал в несколько последних столетий.

Только вот он иногда испытывал некоторое сожаление.

Его юность ушла.

Шан Синчжоу смотрел на Чэнь Чаншэна, смотрел на те спокойные и настойчивые глаза, на чистые и живые черты лица, задумываясь, что именно о такой юности он и думал.

Прошло несколько столетий. Лоян больше не был в осаде, и уже не было тех ужасных сцен, когда люди ели людей. Как бы сегодня не закончилось, окажется ли мир людей в гражданской войне, расе людей больше не придется беспокоиться о возвращении к той ужасающей эре. Людям больше не придется жить такими горькими жизнями.

Не означало ли это, что ему тоже больше не понадобится жить такой горькой жизнью?

Тогда, начиная с сегодня, сможет ли он больше жить для себя, жить немного более бесцельно?

Тихо глядя на Чэнь Чаншэна, он вдруг сказал: «Хорошо. Давай посмотрим, сможем ли мы закончить эту историю».

Когда болезнь Императора Сяня ухудшилась, и Тяньхай отказалась возвращать трон, он начал писать эту историю.

Эта история открылась с тем существованием на том континенте, покрытом в белом песке, на другой стороне моря звезд, помогающим ему сорвать фрукт.

Так что эта история, естественно, должна была закончиться со смертью этого фрукта.